

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Роман Юров

«ЛА»-ОХОТНИК

В небе Донбасса

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Ю78

Оформление серии *П. Волкова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *П. Ильина*

Юров, Роман Александрович.

Ю78 «Ла»-охотник. В небе Донбасса / Роман Юров. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-79625-0

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлеров «МиГ»-перехватчик» и «Як»-истребитель». Наш современник, заброшенный в СССР, становится «сталинским соколом», советским асом, воздушным охотником.

Он начал воевать на перехватчике «МиГ-3», который практически во всем уступал «мессерам» 1941 года. Он дрался на истребителе «Як-1», позволившем сократить военно-техническое отставание от Люфтваффе. А теперь «попаданец» осваивает новейший «Ла-5», который впервые может сражаться с гитлеровскими «экспертами» на равных.

Прорвав «Миус-фронт», Красная Армия рвется на Украину – освободить Донбасс, Харьков, Днепропетровск, Одессу. Перевооружившись на новую технику, переосмыслив тактику воздушного боя и навыки свободной охоты, советская авиация дает Люфтваффе решающий бой за господство в воздухе!

УДК 82-344

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-79625-0

© Юров Р. А., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ГЛАВА 1

— От винта!

— Есть от винта!

Кран самопуска провернулся легко. Зимой, когда новенький самолет только пригнали с завода, кран был туг, до синяков на пальцах. Сейчас же, в потных перчатках, сопротивления почти не ощущалось.

— Воздух!

Коротко пшикнуло. «Як» чуть вздрогнул, винт провернулся, и Виктор торопливо щелкнул тумблером магнето. Мотор застрелял, потом, словно прокашлявшись, зарычал, запел оборотами, прогреваясь. Истребитель задрожал, завибрировал. К пропитавшему кабину, несмотря на открытый фонарь, запаху бензина добавилась вонь выхлопных газов.

Палыч отцепил баллон и, пряча лицо от разметаемого винтом песка, быстренько метнулся к хвосту. Двигатель зарычал во всю свою мощь, напором воздуха из кабины вымело все запахи. Остался лишь горячий ветер.

— Двадцать девятый, как слышишь?

Колька приподнялся на сиденье, выставил вверх растопыренную пятерню, демонстрируя и слышимость, и готовность к вылету.

— Убрать колодки!

Мелькнул линиялый комбинезон техника, потом Палыч отошел подальше и напутственно махнул

рукой. Мотор взревел, и техник попятился, придерживая саблинскую, выданную на время полета фуражку и щуря слезящиеся глаза. Фуражка подмигнула золотистым крабом, и Виктор некстати вспомнил, что купил ее в Саратовском военторге, в день свадьбы. Вспомнил и зло ощерился, гоня ненужные мысли. В небо нужно было идти с пустой, светлой головой, чистой от наземных хлопот. В небе хватало своего.

Солнце поднялось недавно и еще не успело войти в силу. Внизу, по балкам, стелился утренний туман, слабая дымка покрывала землю, словно саван, маскируя и пряча. Мир под крылом затаих, затаившись подобно зверю в кустах, ожидая, что гудящая в высоте беда пройдет стороной, не заметит. Туман и дымка могли этому помочь. Не помогли...

Аэродром появился частями. Сначала проявились вспомогательные строения, затем темные, еще не успевшие обрасти травой, капониры, самолеты. Потом словно кто-то сдернул гигантскую завесу, и аэродром предстал во всей красе, во всех деталях — с неподвижно висящей колбасой «колдуна» — ветроуказателя, с чем-то присыпанными рулежными полосами и размолотой в пыль травой у посадочных «Т». И только тогда Виктор облегченно выдохнул: с поля никто не взлетал, да и в небе было чисто. Появилась надежда избежать драки.

«Илы» заплясали, «занервничали», доворачивая, опустив бронированные носы, стали тяжело и неохотно разгоняться. Поднимая пыль, от стоянки рванул какой-то кургузый грузовичок, внизу забегали, засуетились люди, а четверка штурмовиков уже свалилась в пологое пикирование, заходя на северную оконечность аэродрома. Там, укрытые капонирами, стояли несколько «Юнкерсов», отчет-

ливо белели кресты на крыльях подготавливаемого к вылету «Шторьха». Наземный персонал метался внизу испуганными тараканами, и лишь один, то ли храбрец, то ли безумец, пытался давать отпор. Пулеметные трассы единственной огневой точки потянулись вверх, но этого было ничтожно мало, чтобы помешать. От штурмовиков отделились капельки бомб, и огонь с земли умолк — Виктор увидел, как незадачливый пулеметчик удирает прочь. Черными грибами взбухли бомбовые разрывы, и он чуть наклонил машину, рассматривая попадания. Увы, удар прошел впустую — бомбы легли с недолетом метров в сто...

Группа уходила. «Илы» шли на бреющем, и их камуфлированные силуэты почти сливались с землей. Выше метров на пятьсот шла шестерка «Яков» родного сто двенадцатого полка: Иванов с Мамедовым, Гаджиев с Тарасовым и Виктор с верным Колькой. Невеликая охрана для невеликой силы. Он не знал и не мог знать, что в этот самый день сотни красnozвездных самолетов четырех воздушных армий атаковали вражеские аэродромы. Бомбили стоянки и взлетные полосы, несли жуткие потери, погибая от огня зениток и «Мессершмиттов». И их столь неудачная атака аэродрома Кутейниково была лишь частью большого, спешно задуманного и в спешке осуществленного плана. Увы, подобно большому плану уничтожения вражеской авиации на аэродромах, план их малой, локальной операции с самого начала начал трещать по швам. На бумаге все выглядело красиво — полк «Илов» под прикрытием усиленного истребительного гвардейского полка должен был нанести мощный удар по вражескому аэродрому Кутейниково. И когда накануне вечером шестерка летчиков из сто двенадцатого полка прибыла на

аэродром Чуево на усиление, казалось, что ничто не может этому удару помешать. Все были в сборе: целых две эскадрильи штурмовиков уже рассредоточили по спешно вырытым капонирам, истребители растащили подальше друг от друга, укрыли маскировочными сетями. Летчики поужинали, перезнакомились, согласовали маршруты, связь, все необходимые, но оттого не менее важные мелочи. Не хватило сущей ерунды — бензина и боеприпасов. В итоге вылет задержался на час, а в воздух поднялась только четверка штурмовиков и шесть «Яков», да и то «Илы» скинули бомбы мимо цели. Красивый план обернулся фарсом.

«Мессера» в воздухе так и не появились. Напрасно летчики, до боли в глазах, всматривались в небо — кроме группы краснзвездных самолетов, в воздухе больше не было никого. Показался свой аэродром, и штурмовики с ходу пошли на посадку. Истребители же растянулись на круге, дожидаясь своей очереди. Виктор смотрел, как «Илы», поднимая винтами пыль, плюхаются на полосу, и радовался. Полет к осиному гнезду не давал ему покоя весь вечер и ночь. Лезть в пекло, под огонь зениток и в толпу «мессеров», не хотелось совершенно. А на поверку вылет оказался едва ли не прогулкой, и это было замечательно. На КП он шел довольный как слон и, отчаянно фальшивя, насвистывал веселый мотивчик.

Запах цветущий сирени, разлившийся по всему аэродрому, одурял. Нагоняемый ветерком от зеленых зарослей у стоянки, он проникал повсюду, напитывая собой воздух. Почему-то этот запах напоминал детство: школу, последний звонок, ожидание скорых каникул. Вместо всего этого глаза видели превращенный в аэродром колхозный луг,

стоящие тут и там самолеты и копошащихся у них техников и оружейников.

Виктор обошел свою «двадцатьчетверку», ревниво поправил немного перекосившееся одеяние русалки, увидев потеки краски на крыле, нахмурился. Подошел ведомый, Колька, застыл соляным столбом и наконец, не выдержав, спросил:

— Что там, командир?

— Краска. Потеки краски. Видишь?

— Вижу, конечно, — Рябченко равнодушно посмотрел на застывшие зеленые капли, — у всех так.

— Видел, а не подумал. А это, Коля — скорость, которой в бою всегда не хватает. Чтоб ты знал, самолет должен быть отрегулирован по науке, а значит, быть легким и послушным. — Он сложил пальцы щепоткой и подвигал, поводил ими из стороны в сторону, показывая, каким легким в управлении должен быть истребитель. — Для этого нужен хороший механик. Но любого, даже самого лучшего из механиков нужно контролировать. Всегда! Ну, и периодически дрючить.

— Так они же маленькие, эти капли! — Ведомый наконец заинтересовался. — Разве они хоть как-то могут повлиять?

— Тут километр, — Виктор ткнул пальцем в потеки краски, — тут два, — он колупнул выступающую латку, — там воздуховод погнут и капот плохо подогнан. Вот тебе километров двадцать и наберется.

Ведомый погрузнел.

— А ты думал? — Саблин засмеялся. — За скорость сперва придется на земле повоевать. Как-то это я упустил, самолет с самого начала понравился, вот и не стал в мелочи влезать. Надо заняться. Да и вообще, надо бы подумать, как его облегчить.

— А это вообще можно?

— Можно. Сейчас-то особо не нужно — самолеты у нас неплохие, но можно. Вот прошлым летом были «Яки» — это жуть. Дубовые, день летаешь — два в ремонте. А новые, которые перегоняли, уже лучше, почти как наши девятки. Так что как обратно, в Миллерово, вернемся, у меня Палыч электровеником зашуршит.

Палыч сидел в стороне вместе с остальными техниками и пока еще не догадывался о своей печальной участи.

— А такое раньше было, — спросил Рябченко, — чтобы в одном полку разные типы самолетов?

— Было. Только разве они у нас разные? — успокоил ведомого Виктор. — Что «Як-1», что «Як-9» отличаются не сильно. Ни внешне, ни в пилотаже. По дальности, конечно, есть отличия, но нам это не особо критично.

Показался Иванов. Он шел неторопливо, куря на ходу. Планшетка, висящая на удлинненном для форсу ремне, хлопала по ноге, тоненькие «кошачьи» усики воинственно топорщились вверх.

— Все через жопу, — сказал он, подходя, — два года воюем, а один хрен...

Виктор вопросительно задрал бровь.

— Приказ дали, — ответил комэск-один, — сейчас снова на Кутейниково пойдем. Только бензина опять нет.

— Как на Кутейниково? — не поверил Виктор. — Seriously?

— Серьезней некуда. — Иванов нахмурил белевые брови. — Только по времени пока неясно — неизвестно, когда это все подвезут. — Он помолчал немного, потом добавил: — Одно хорошо, с нами теперь уж точно должны полететь ребята из девятого гвардейского. А там волчары те еще, если немец полезет — кровью умоемся.

Подошел Тимур Гаджиев с Тарасовым и новый ведомый Иванова — Ильяс Мамедов. Вся шестерка, направленная Шубиным на выполнение особого задания, оказалась в сборе. Летчики уже узнали новость и выглядели мрачными.

— Не нравится мне все это, — бурчал Гаджиев, — немцев пнули и теперь снова к ним в берлогу лезть. Как будто они спать завалятся...

— Слетаем, — ответил Иванов, — не впервой. Теперь с нами гвардия будет, — повторил он, — а там парни отчаянные. Это же шестаковский полк, я их еще по Сталинграду помню...

— Какая разница — гвардейцы или не гвардейцы? — не сдавался Гаджиев. — Чем они от нас отличаются? Значком? У тебя-то, Ваня, сбитых побольше, чем у любого из них.

— Ты это, — нахмурился комэск-один, — кончай давай. Разговорчики... У нас приказ!

Гаджиев промолчал. Зато решил высказаться Саблин. После известия о повторе вылета настроение у него упало ниже плинтуса, и скрывать это он особо не собирался.

— Один хрен ничего путного не выйдет, — сказал Виктор. — Как и в прошлом вылете. Ну пойдет с нами гвардия, а толку? Будет, к примеру, не шесть «Яков», а двенадцать. Для четырех «Илов»-то, шикарный эскорт. Где такое видано? Если эти летуны не хотят нормально штурмовать, то их прикрывай не прикрывай — разницы не будет! В прошлом вылете эти дурилки убили несколько полевых мышей и этого придурка-пулеметчика. Зато бензина спалили... Небо же чистое было, развернули бы группу и еще заход... Там все можно было сжечь!

— Я, Витя, твое мнение прекрасно знаю, — Иванов широко зевнул, — и мне оно малоинтересно! Вот дорастешь до того, чтобы водить смешанные

группы из разных полков или, на худой конец, чтобы просто одну эскадрилью довести до цели и там нормально отработать, вот тогда и поговорим.

— Я водил группы, — набычился Виктор. — И не хочешь ли ты сказать, — недобро добавил он, — что, если бы группу вел не майор Ляховский, а ты, все прошло бы точно так же?

Иванов только усмехнулся и принялся неторопливо прикуривать папиросу.

— Не знаю, — наконец сказал он, — не все так просто. Я бы по-другому делал. Но вот получилось бы лучше — не знаю. У нас, как видишь, потерь нет, никто не потерялся, не отстал. Согласен с тем, что организовано все через жопу. Но организовать и сделать все правильно — это сложно. Легко пашкой махать, и обвинениями кидаться тоже легко. Ладно, хватит митинговать. Давайте к вылету готовиться.

Известие, что снова придется лететь на Кутейниково, выбило из колеи, и нового вылета Саблин ожидал в самом дурном расположении духа. Благополучный исход утреннего налета не обольщал. Урон немцам нанесен не был, зато они уже будут настороже, и наверняка группу ожидает плотный зенитный огонь и барражирующие в небе «Мессершмитты». А драться с толпой «мессеров» в глубине вражеского тыла да под огнем зениток — занятие для самоубийц. Если собьют, то в лучшем случае плен, как ни крути. Убежать по степи, как прошлой зимой, уже не выйдет — приземляться придется врагам прямо на головы. Вообще, после женитьбы фронтовая жизнь стала восприниматься Виктором куда как тяжелее. Очень сильно хотелось вернуться к жене живым и здоровым, да и желательно пораньше. Полет на штурмовку аэродрома Кутейниково резал эти хотелки напрочь.

Почему-то пришла в голову мысль, что его сейчас обязательно убьют. Попадет в самолет зенитный снаряд или пилот «мессера» загонит в прицел зеленый силуэт «Яка», и все... Все кончится, и главное, кончится он — Витя Саблин. Эта мысль нагнала еще больше тоски. И самое обидное, что он до сих пор не понял, почему и для чего попал в прошлое? Может, у него был уникальный шанс изменить судьбу страны, повлиять на ее курс, не допустив развала и лихолетья жутких девяностых?

Виктор задумался, затем вытащил из планшета чистый лист и написал на нем «Уважаемый товарищ Сталин!». Почему-то дальше написание пошло туго. В голове витал клубок мыслей и образов: про Курскую дугу, операцию «Багратион», взятие Берлина, атомную бомбу, войну в Корее, полет в космос, куча фактов, куча, несомненно, важных мелочей хранилась в голове, но совершенно не хотела ложиться на бумагу. Он тужился почти час, но листок так и остался с одной-единственной фразой «Уважаемый товарищ Сталин!». Между Сталиным сейчас и девяностыми потом было пятьдесят лет, за которые событий произошло очень много. И как проскочить этот промежуток, Виктор не знал.

— Может, к Хрущеву попасть, — забормотал он себе под нос. — Он, вроде, дядька добрый. Нам на истории рассказывали. Только вот мирную демонстрацию в Новочеркасске при нем расстреляли... а так вроде больше ничего... Или к Брежневу? К Брежневу проще, только возможностей у него сейчас маловато... Вот хрень. Вот дурак ты, Витя. Задумался, когда петух в самую задницу клонул...

— Чего сидим? — Задумавшись, он не услышал, как подошла Майя. Она бросила на землю

патронный ящик и уселась на него. Волосы у нее липли к лицу, гимнастерка была мокрая.

— Лежит пузом кверху, — насмешливо сказала оружейница, — лучше бы слабой девушке помог.

— Кто на что учился. — Виктор лениво пожал плечами.

— Бензин привезли, — сказала Майя, — и бомбы. А РС все никак, там командир штурмовиков орал.

— Бывает, — сказал он.

Она встала со своего ящика и уселась рядом, косила взгляд на письмо и удивленно округлила глаза.

— Сталину?

Виктор поспешил спрятать злополучную бумажку в планшет.

— А что ты хотел Сталину написать? — не унималась Майя.

— Да есть дело, — буркнул он, ругая себя последними словами.

— Ну, скажи.

— Пожаловаться хотел, — вздохнул Виктор, — и совета попросить. — Майя буквально лучилась любопытством, и он решил немного над ней поиздеваться. — Хотел узнать, можно ли мне, как комсомольцу и женатому человеку, прелюбодействовать с чужой оружейницей? Или, по закону, ее нужно сперва в свой экипаж перевести...

— Дурак. — Майя вспыхнула и, резко подскочив, ушла. Виктор весело оскалился, настроение улучшилось.

Вылет состоялся только в первом часу. Стараниями БАО удалось наскрести топлива на четырнадцать истребителей и семерку «Илов». Теперь вся эта махина снова летела к Кутейникову. Видимость была миллион на миллион, и чем ближе ста-

новился вражеский аэродром, тем сильнее потели у Виктора руки. Немецкие посты ВНОС уже давно засекали всю их группу и, несомненно, собирали комитет по встрече. Он до боли в глазах всматривался в небо, но никого пока не видел и от этого нервничал еще сильнее.

Аэродром появился внезапно, проступили темные, еще не успевшие озелениться валы капониров, серо-желтые фанерные домики вспомогательных помещений. На стоянках было около десятка самолетов, но небо вокруг по-прежнему было чистым от «мессеров». Виктор смотрел во все глаза и не верил. Так не должно, так не могло быть, но так было. «Илы» с горизонта сыпанули вниз содержимое бомболоуков и серии взрывов расцвели у капониров и на летном поле. Проскочив аэродром, штурмовики начали валиться в плавный разворот и стали пикировать. С земли вверх тянулись нити трассирующих пуль, но, по мнению Виктора, огонь был слишком слаб. Сам он на действия «Илов» смотрел буквально одним глазом, все пытаясь высмотреть в небе «мессеры». На стоянке начали рваться РС, и Виктор увидел, как стоящий в капонире «Юнкерс» вспыхнул ярким костром. На стоянках тоже что-то горело, пылала парочка строений, и аэродром застилало густым черным дымом.

Больше атак не было. «Илы» отстрелялись и потянулись на восток, хотя, ничего не мешало бить еще и еще. Группа легла на обратный курс. На фоне молодой, еще не выгоревшей степной травы проплывал строй штурмовиков. Чуть повыше, словно купаясь в воздухе, три пары «Яков» сто двенадцатого полка. Еще выше, разделенные на две четверки, виднелись истребители из девятого гвардейского. Для охраны семерки штурмовиков была собрана